
СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ CASE STUDY

ГЛЯНЦЕВОЕ ЛИЦО НАРЦИССИЗМА: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В.Р. ДОРОЖКИН*,

Институт подготовки кадров государственной службы занятости
Украины, Киев, Украина, valedor2007@gmail.com

Исследована структурная организация личности нарциссического субъекта. Определена основная диспозиция элементов Эго «нарцисса», выявлены страды нарциссической личности, изучены системные причины возникновения диады эмоций «грандиозность—ничтожность». Особое внимание в работе уделено уточнению понятия «кожи Я» у нарциссической личности, обосновано введение нового термина «Я-кожи второго порядка», что позволило автору более целостно понять и описать психическую динамику «нарцисса». В тексте уточнено соотношение в структуре личности истинного и ложного аспектов Я, выявлены образующие этих двух частей Эго, рассмотрены этапы работы с нарциссической личностью. Статья иллюстрирована случаем из практики групповой терапевтической работы.

Ключевые слова: нарциссизм, структура нарциссизма, нарциссический тип личности, работа с нарциссизмом в психотерапии.

Для цитаты:

Дорожкин В.Р. Глянцевое лицо нарциссизма: аналитический подход // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 1. С. 72—91. doi: 10.17759/cpp.2017250106

* *Дорожкин Валерий Романович*, доктор психологических наук, доцент кафедры глубинной психологии и психотерапии, профессор кафедры психологии и социальной работы, Институт подготовки кадров государственной службы занятости Украины (Киев, Украина); немедицинский психотерапевт, valedor2007@gmail.com

Исследованию нарциссизма как феномена и как типа личностной организации посвящено большое количество работ, в первую очередь, у представителей психоаналитической школы. З. Фрейд, Г. Аммон, М. Балинт, Д. Винникот, О. Кенберг, М. Кляйн, Х. Кохут, Ж. Лакан и другие не только описали само понятие теоретически, но и на основе этого описания создали практику работы с нарциссическим типом личностной организации.

З. Фрейд впервые начал использовать «нарциссизм» как термин в 1910 году, а подробно уделил ему внимание в своей работе «О нарциссизме» [11]. Основатель психоанализа рассматривал два вида нарциссизма — первичный (аутоэротизм) и вторичный. По Фрейду, первичный нарциссизм появляется еще в младенчестве, до выделения инстанции Я из Оно, когда ребенок испытывает недифференцированное удовольствие от собственного тела и фиксирует на последнем свое либидо. По мере взросления ребенок перенаправляет либидо на Объекты, вызывающие у него или доставляющие ему удовольствие (в первую очередь, на мать или фигуру, ее заменяющую). Стадию первичного нарциссизма Фрейд считал необходимым этапом развития либидо и рассматривал этот этап как предтечу объектных отношений. Заметим, что несколько позже понятие первичного нарциссизма было раскритиковано М. Кляйн, которая считала, что объектные отношения существуют уже в первые месяцы жизни [6]. Вторичный нарциссизм, или нарциссизм Я, возникает, как мыслил Фрейд, когда либидо извлекается из отношения к Объектам и вновь обращается и фиксируется на Я. Согласно Фрейду, этот процесс имеет уже патологический характер, а вторичный нарциссизм выражается в чрезмерном эгоцентризме и в неумении признавать за другими людьми право на самостоятельные устремления [11].

М. Балинт рассматривал патологическую составляющую нарциссизма как результат нарушения взаимоотношений на ранних этапах развития, которые он определял как диадические или довербальные [2]. Согласно Балинту, вторичный нарциссизм имеет дефицитарную природу и является следствием базисного дефекта, связанного с недостатком общения с матерью в первые месяцы жизни.

На дефицитарной природе злокачественного нарциссизма настаивает и Г. Аммон — автор концепции динамической психиатрии [10]. В рамках своего подхода Аммон рассматривает три типа нарциссизма — конструктивный, деструктивный и дефицитарный. Два последних связаны с неудачами ребенка при выходе из раннего симбиоза с материнской фигурой и формированием так называемого «дефицитарного Я-отграничения», когда значимые Другие и здесь и не-здесь одновременно. При этом, вслед за Фрейдом, Аммон определяет первоначальный нарциссизм, во-первых, как первичную конструктивную потребность человека, а

во-вторых, как результат интернализации специфического опыта отношений с другими людьми. По его мнению, нарциссизм принимает патологический, т. е. деструктивно или дефицитарно деформированный характер только в результате соответствующего негативного опыта в семейной группе. Аммон утверждает, что развитие конструктивной структуры нарциссической личности не может состояться, так как этому препятствуют глубокие архаические экзистенциальные и витальные страхи. Именно эти страхи не позволяют нарциссически дефицитарным людям интернализировать так желанную и необходимую им нарциссическую поддержку извне. Отличия деструктивного от дефицитарного нарциссизма Аммон видит в том, что последний в психогенетическом плане является развитием первого, усугублением его в результате дальнейшей патологической деструктивно-нарциссической динамики. При деструктивном нарциссизме расстроены или искажены отношения человека к себе самому, другим и окружающему миру, люди не могут адекватно оценивать себя, переоценивают или недооценивают свои способности, они колеблются между фантазиями величия и самоуничужения. При дефицитарном нарциссизме люди вообще не вырабатывают устойчивого отношения к себе. Как пишет Аммон, дефицитарно нарциссический человек не в состоянии серьезно воспринимать свое мышление, свои чувства и действия и отстаивать их. В то же время Аммон подробно исследует и конструктивный нарциссизм, который, с его точки зрения, включает в себе способность с любовью относиться к себе и своему бессознательному. При этом речь идет не о самолюбовании, а о той форме любви к себе, которая сопутствует радостному, страстному утверждению своей телесности, своих интересов, духовности и идей. «Конструктивно нарциссический человек ощущает себя как индивидуум с правом на собственное мышление, собственное восприятие и собственный образ жизни» [10, с. 104].

Особая точка зрения на нарциссизм представлена в работах О. Кернберга [5]. С одной стороны, он придерживается магистральной психоаналитической линии во взглядах на нарциссизм, состоящей в том, что корни этого явления находятся в детстве и являются результатом родительского безразличия или деструктивного стиля воспитания. С другой стороны, Кернберг делает акцент на описании нарциссического личностного расстройства (НЛР) у взрослой личности. По его мнению, особенности самоощущений и представлений о себе у людей с нарциссическим диагнозом заключаются в ощущениях пустоты, фальши, стыда, зависти или в полярных переживаниях — самодостаточности, тщеславии, превосходстве. Кернберг описывает эти полярности как противоположные состояния в восприятии собственного Я, то ничтожного, то грандиозного. Он утверждает, что данные полярности являются един-

ственными возможностями организации внутреннего опыта у личностей, страдающих НЛР. Ощущение, что они являются «достаточно хорошими», не входит в число внутренних конструктов таких личностей. Кернберг относит НЛР к пограничному состоянию, при котором наблюдается диффузия идентичности и преобладают примитивные защиты, прежде всего — идеализация и обесценивание. Он указывает, что эти два вида защитных механизмов состоят в обратной связи: при идеализации собственного Я значение и роль других людей обесценивается, и наоборот. Сосредоточенность Кернберга на патологических аспектах нарциссизма у взрослой личности позволила ему открыть новые черты НЛР, среди которых он подробно описал грандиозность или величие, психический голод и «оральную ярость» [5].

Х. Кохут, вслед за Фрейдом, развил идею о том, что нарциссическое либидо и объектное либидо имеют независимые источники энергии, отдельные линии развития и трансформации и отражают различные виды опыта. Но в отличие от основателя психоанализа Кохут предполагает, что нарциссическое и объектное либидо всегда направлены на объекты: только в случае объектного либидо ими являются реальные объекты, сепаратные от субъекта, а в случае нарциссического либидо — образы Я-Объектов [7; 8]. Нарциссизм, по Кохуту, является «психологическим клеем», который удерживает связность элементов в Я и обеспечивает соединение текущих представлений личности о себе в единую целостность. Формирование здорового нарциссизма выступает интегральной частью нормального психического развития человека, является необходимой основой формирования Я и его позитивного самоотношения. Здоровое психическое развитие Кохут описывает как постепенное отпадение наиболее грубых нереалистических аспектов Я-Объектных образов с интернализацией внешних взаимоотношений с Я-Объектами в устойчивые психические структуры. Этот процесс Кохут назвал «трансмутующей (превращающей) интернализацией» [7; 8]. Процесс «запускается» с самого раннего детства естественным и неизбежно увеличивающимся разочарованием в самом себе и в идеализированных Я-Объектах. Подобные разочарования возникают вследствие невозможности слияния с Я-Объектами, что в той или иной степени фрустрирует базовое желание ребенка. В случае, когда фрустрация, приводящая к разочарованию, является оптимальной фазе развития, это влечет рост зрелости Эго; если фрустрация неоптимальна, то это приводит к формированию грандиозного Я, архаизирует Эго, идеализирует Я-Объекты до сверхценного состояния. Описанные патологические процессы Кохут, в отличие от Кернберга, считает обратимыми, да и сам сформированный злокачественный нарциссизм он рассматривает не как патологию, а как задержку в развитии личности и считает, что эту личность можно

вернуть на этап прерванного развития и доформировать здоровую форму нарциссизма. Наряду с описанными представлениями, Кохут вводит также понятие «нарциссического расширения». Последнее происходит в ситуации, когда дети становятся продолжением родительского Эго и получают от них любовь, как плату за ожидаемое от них ролевое поведение. В таком случае истинное Я ребенка отвергается, а на его место устанавливается ложное Я, составленное из набора родительских ожиданий, предписаний и директив. Душевная боль, которую испытывает ребенок в случае подобной невостремленности истинного Я приводит к тому, что в дальнейшем, вырастая, он отсекает болезненные чувства и эмоции, связанные с формированием привязанности к Объектам.

Наконец, еще один взгляд на нарциссизм представлен в работах Д. Винникотта [3] и Ж. Лакана [9]. Оба этих автора связывали становление нарциссической зачарованности собой с феноменом отзеркаливания. Винникотт считал, что ребенка отзеркаливают глаза и лицо матери, которые отражают всю его чудесную прелесть, либо зеркалят его холодом и пустотой. Лакан же в качестве ключевого момента отзеркаливания рассматривал стадию Зеркала, на которой ребенок влюбляется и самоотождествляется с совершенным гештальтом, образом себя в зеркале. Согласно Лакану, нарциссизм, порожденный стадией Зеркала, приводит к возникновению страстной любви Объекта к своему Образу [9]. В результате ребенок принимает за себя пустотную оболочку, отражение в Зеркале. Более того, он подменяет себя на Другого — того, кем в действительности не является [9].

Феноменология понятия «нарциссизм» раскрывается не только в теоретических конструкциях различных авторов. Ее прояснению способствует психотерапевтическая практика. Последняя позволяет не только понять нарциссизм как переживание, но и исследовать его в интересующем пространстве взаимодействия.

Ниже я приведу случай из групповой терапии, в котором нарциссический тип отношений раскрыт достаточно ярко. За возможность исследовать и представить этот случай я благодарен Виктору¹ — участнику одной из терапевтических групп. Группа проходила в психодинамическом формате и имела постоянные состав и численность. Что касается Виктора — это мужчина сорока лет, высокий, астеничного телосложения, с интровертированным складом характера и постоянно задумчивым выражением лица.

Виктор заговорил о любви и начал с того, что никак не может найти себе достойную избранницу. Он был женат, развелся, от первого бра-

¹ Конкретные детали случая изменены с целью соблюдения принципа конфиденциальности.

ка осталась дочь. Со слов Виктора, после развода у него были другие женщины, но все они как-то не «цепляли» его, он не находил в них той притягательности для себя, ради которой был бы готов начать новые отношения. В последнее время Виктор «потерял всякую надежду», а его потребность в поиске женщины приобрела характер удовлетворения сексуальных нужд. Ниже приведен диалог Виктора и терапевта.

— Честно говоря, я перестал верить, что мне может встретиться та единственная, которая предназначена для меня, и которую я никак не могу найти. А, может, я, вообще, где-то потерял ее.

— Потерял?

— Потерял... У меня была любовь, совершенная для меня девушка, а я не решился, сбежал, упустил ее из виду, а потом поздно было что-то менять. Жизнь закрутила, я начал встречаться со своей будущей женой, она забеременела, родила дочь, мы расписались, и все пошло своим чередом. Много лет спустя я встретил эту девушку еще раз. Я даже сидел с ней за одним столиком на празднике от нашего завода. Тогда я хотел с ней поговорить, но... смалодушничал. А потом начала звонить жена, мне надо было идти, и я так и не сказал ей о своих чувствах. С тех пор я не видел ее.

— Пожалуйста, расскажите чуть подробнее о том, как Вы с ней познакомились. Кто она? Где Вы ее встретили? Сколько встречались?

— Да я и не встречался с ней, в общем-то...

— Не встречались?

— Да, не встречались. На момент знакомства с ней у меня была другая девушка. Не скажу, что она мне особенно нравилась, но, в принципе, она была хорошая и симпатичная, я проводил с ней много времени вместе. Причем у нас даже не было сексуальных отношений. Скорее, это была дружба с элементами влюбленности. Хотя..., что наши встречи значили для нее, я не берусь судить. Никогда не интересовался. Так вот, спустя пару месяцев отношений, моя девушка пригласила меня к себе на день рождения. Я пришел и увидел ее... младшую пятнадцатилетнюю сестру. А мне, кстати, на тот момент было уже двадцать два года! Представляете?

— Что именно представить?

— Разницу в возрасте. Так вот, сижу я за столом, а сам не могу отвести от нее глаз. Она худенькая, даже тонкая, воздушная, какая-то вся неземная, к еде не прикасается, пьет только сок, очаровательно улыбается каким-то своим мыслям и скромно, лишь изредка, украдкой смотрит на окружающих и на меня... Вот тут-то меня любовь и прошибла... Я полюбил ее с первого взгляда. Меня начало переполнять обожание к ней, и чтобы не выдать себя, я стал смотреть в свою тарелку. Смешно сказать, но я боялся поднять глаза. А если вы помните, пришел-то я на день рождения как парень ее сестры! И вот что бы вы мне приказали делать? По-

сидел я там пару часов, встал и ушел. В этот же вечер я принял решение расстаться с ее сестрой, чтобы не видеться с моей любовью. Я не мог с ними обеими так поступить.

— Как именно поступить?

— Да так. Начал встречаться с одной девушкой, а через два месяца переметнулся на ее сестру. Это не для меня. Я так не могу. Понимаете?

— И что же Вы сделали?

— Разорвал с ними отношения и больше их не видел. Практически сразу начал гулять с одной своей знакомой, потом с другой, затем еще с одной. Немного позже встретил свою будущую жену, женился, развелся. Я все это уже рассказал.

— Подожди, — начал один из участников группы, — ты хочешь сказать, что виделся с девушкой, о которой ты рассказываешь, только два раза в жизни?

— Ну да...

— А теперь сравниваешь всех женщин с ней, и они до нее не дотягивают?

— Да, я же об этом и говорю. Хотя... Не то чтобы другие женщины до нее не дотягивали, скорее, у меня не возникает к ним такого сильного чувства. А я хочу именно чувства, такой же тяги, как тогда испытал к ней.

Рассказ Виктора спровоцировал бурные обсуждения в группе. Участники начали делиться собственным отношением к услышанной истории. Появились мнения о том, что Виктор «убежал из отношений и продолжает убежать от чувств». Часть участников испытали злость и негодование в связи с рассказанной историей. Одна из участниц этой группы даже заявила:

— Ты предал свою любовь, а сейчас наказываешь сам себя. Так кому нужны твои самонаказания? Той девушке или тебе? Знай, женщине необходимы чувства! А то, что ты занимаешься теперь самоограничениями и делаешь себя несчастным — так это ты делаешь для себя, а не для нее. Это лично твои дела.

Несколько человек стали обсуждать природу «идеализации партнера и отношений с ним». Они пришли к выводу о том, что идеализации случаются тем чаще, чем меньше реального опыта контакта с человеком, и усиливаются тогда, когда сами отношения все больше теряются в глубинах личной истории. Дискуссия вовлекла участников; они забыли и о самом Викторе, и о его чувствах. Неожиданно один из мужчин занял провокативную позицию:

— Виктор, вот объясни мне, как может сравниться какая-нибудь реальная баба, которая ест, пьет, сморкается, ходит в туалет, которая, к тому же, может быть не согласна с тобой по каким-то жизненным вопросам и решениям, вот как она может сравниться со скромной, тонкой,

воздушной, сотканной из одних облачков и эфира неземной девочкой пятнадцати лет, которая ничего кроме сока и не потребляет вовсе?

Виктор ошарашено замер. Тем временем мужчина достаточно эмоционально продолжил.

— Любая женщина проиграет такое сравнение. Ведь это сравнение с идеалом, идеальной девушкой, которую ты запечатлел по принципу какого-то импринтинга. Ты, фигурально выражаясь, сфотографировал ее, и у тебя возникло внутреннее чувство, что она и есть такая: все время сидит за столиком, потупив скромно глазки, не разговаривает, не потребляет пищи, не имеет какой-нибудь своей принципиальной позиции и... нуждается в твоей защите, так как к тому же еще и «робкая». Со временем пьедестал, на который ты вознес ее в своей душе, становился все выше и выше, и сейчас она занимает то место, которое у других людей принадлежит, например, Богу или кому-нибудь не менее масштабному, чем он. А вот теперь объясни мне, как получилось, что на месте Бога у тебя находится малолетняя девчонка? Какие такие заповеди, кроме поклонения ей, ты должен соблюдать?

Участники группы рассмеялись. Виктор же продолжал молчать, но напряжение сменилось у него любопытством.

— Но самое главное не в этом. Ведь кто может любить пятнадцатилетнюю девочку? Только пятнадцатилетний мальчик. По-моему, она дает надежду тебе, что ты — это только оболочка из мужика, которая скрывает под собой хрупкого, романтического, тонкой душевной организации юношу. И пока жива фантазия о девочке, до тех пор жив этот фантазматичный мальчик. И как ты используешь ее образ? Ты сделал из него герметичный контейнер, по выражению нашего терапевта, в который складываешь свои идеализированные представления. А все остальное, что не отвечает требованиям возвышенности и чистоты, достается реальным бабам, из которых ты также делаешь контейнеры, только мусорные. Эти два Объекта — эфирная девочка и реальная баба — раскололи тебя на два Субъекта. При этом один из них надежно спрятан в образе-фантазии и не может быть протестирован никакой реальностью, так как никогда в пространстве реальности не воплотится. Вот такое у меня сложилось мнение по поводу твоего рассказа.

Когда мы, стряхнув с себя эмоциональность тирады, перевели взгляд на Виктора, то обнаружили, что выглядит он достаточно беспомощно и даже раздавлено. Возникло ощущение, что с него сорвали одежду, а местами даже кожу и оставили обнаженным посреди круга людей, присутствие которых он тоже, к слову говоря, заметил впервые. Виктор испытывал жгучий стыд и стремление прикрыться хоть чем-то, но молчал и бездействовал. Было похоже на то, что он склонил голову в ожидании окончательного вердикта — жить ему или группа вынесет смертный

приговор. По его собственному переживанию, участники группы увидели его таким, каким он чувствовал сам себя в ту минуту: беспомощным, жалким, живущим в иллюзиях неудачником, не сумевшим сохранить семью и подпитывающим эфемерное чувство только ради того, чтобы не видеть самого себя и свой образ жизни. Для Виктора это стало стрессом, шоковой терапией. Причем шок он испытал не от сказанных слов. Совсем не они смутили его. Более всего он был раздавлен тем, что с его фантастической конструкции, которую он выпестовал и которую неоднократно предъявлял другим, получая от них сочувствие, в один миг без должного уважения сорвали драпировочную ткань. И под этой тканью не только не обнаружилось хромированного, блестящего чувства, но даже не находилось его ржавого остова, а была лишь одна пустота. Это, по собственному выражению Виктора, выдало в нем банкрота. При этом само событие произошло публично. Теперь все знали, кто он. Паника — вот то чувство, которое затопило Виктора, мгновенно выжгло его, сменилось апатией и подавленностью. Теперь делайте со мной, что хотите, транслировал он в группу.

Естественно, с Виктором никто ничего не сделал. Мужчину поддержали и сказали, что принимают его как уникальную личность гораздо в большей степени, чем в начале рассказа. Более того, у участников он вызвал сочувствие и ... любовь. Именно это поразило его больше всего. Ведь он считал, что заслуживает презрения и ненависти, и эти чувства проецировал в группу, ожидая получить их в обратной связи. Он не понимал, что происходит, был дезориентирован, уязвим, но и открыт миру, впитывал новое, как губка. К слову сказать, вся приведенная здесь динамика чувств была открыта гораздо позже, на следующих встречах. В тот же раз Виктор молчал и беспомощно, но, тем не менее, жадно внимал всему, что обсуждали в группе.

Если воспользоваться международным классификатором личностных расстройств DSM-IV [5], то по нескольким признакам у Виктора обнаруживается нарциссический тип личности. У него присутствует вера в собственную уникальность, оценить которую могут только избранные, «особые» люди (психологи); он эксплуатирует других в межличностных отношениях, не задумываясь об их чувствах; навыки эмпатии у него отсутствуют, чужие эмоции он может только «знать», определяет их интеллектуально; периодически у него возникает субъективно невыносимое чувство стыда за самого себя. Целью данного кейса не является постановка диагноза. На примере личности Виктора я хочу проиллюстрировать такой тип психической организации, в рамках которого нарциссизм обладает значительным удельным весом. Ниже обсуждаются психологические особенности лиц с нарциссизмом, а также проиллюстрированы процессуальные характеристики их поведения в терапевтической группе.

1. Структура представлений о том, что испытывают другие люди, у «нарциссов» весьма специфична. Это связано с тем, что нарциссические личности не «чувствуют» людей, а достраивают их переживания интеллектуально. То есть в структуре их образа Другого ярко выражена когнитивная компонента. Так, Виктор неоднократно получал подобную оценку в обратной связи от участников, но это не вызывало у него эмпатийного отклика. Скорее, он испытывал недовольство от когнитивных промахов в том случае, когда они случались. То же самое возможно сказать о собственных чувствах «нарциссов». Интеллектуализация переживаний позволяет нарциссическим субъектам испытывать их опосредованно, предварительно обернув в ткань каких-нибудь «знаемых» историй. В этих историях чувства «нарциссов» обрастают новыми, вычурными смыслами, превращающими их в искусственно созданные образования — своеобразные интеллектуально-эмоциональные конструкции, обезболивающие их внутренний мир. С помощью этих конструкций нарциссические личности прикасаются к своим подлинным эмоциям и переживаниям. К слову сказать, Виктор оформил свои чувства в упаковку истории о безответной любви и тем самым санкционировал самому себе возможность испытывать реальные переживания, которые с этой историей связал.

2. Интеллектуализация чувств нарциссической личности достигается за счет другой ее важной особенности — умения замыкать свой внутренний мир на самой себе [4]. Эта специфическая способность позволяет «нарциссам» испытывать чувства в их «без-объектном» формате. Здесь имеется в виду то, что лица нарциссического типа привязаны к реальным Объектам гораздо в меньшей степени, чем к внутренним. Но даже не в этом состоит «без-объектный» формат переживаний. Сами чувства для «нарциссов» приоритетнее Объектов, они заслоняют их со всеми присущими Объектам эмоциями. Это приводит к тому, что у нарциссических личностей образы других людей уплощенные, не многомерные, а двумерные, однозначные, слабо дифференцированные один от другого. Между образами Объектов «нарцисс» выстраивает когнитивную сеть связей, которая удерживает его личность в «знаемых» границах и замыкает ее саму на себя. Естественные пустоты в сети нарциссические субъекты заполняют с помощью когнитивного переформатирования реальных отношений и создания новых, подчас искусственных и даже вычурных смыслов. Все вместе это создает ложное Я — защитный контур личности «нарциссов», образованный у них, преимущественно, когнициями, «знаемыми» переживаниями, безопасными историями и пр. Нарциссические личности с легкостью предъявляют этот контур, готовы его обсуждать, с ним работать и его переформатировать, но не пускают вглубь, за него. Именно эта их особенность создает ощущение герметичности их личностей и невозмож-

ности прорваться за защитный контур «фасадных» отношений. При этом реальное Я скрыто не только от других людей, но и от самих «нарциссов». В структуре нарциссической личности реальное Я отчуждено и отторжено от ложного Я. В своей диспозиции они выглядят как ядро и оболочка личности, которые практически не соприкасаются друг с другом. При этом ядро перегружено эмоциями, а оболочка — когнициями. Когда внимание «нарцисса» сосредоточено в истинном Я, оно «затапливается» чувствами; а когда оно переходит в оболочку, то попадает в безопасное когнитивное поле. С ядром и оболочкой связаны основные чувства «нарциссов». Погружаясь в истинное Я, нарциссическая личность испытывает тревогу, стыд и ничтожность; помещаясь в ложное Я, она попадает в состояние интеллектуализации или переживает чувство грандиозности. Последнее достигается тогда, когда ложное Я отвечает Эго-Идеалам. При этом интегрированное состояние «быть достаточно хорошим» нарциссической личности недоступно.

3. Следствием перечисленных особенностей нарциссических личностей является то, что их отношения в терапевтической группе носят формальный, поверхностный и «дистантный» характер. В процессе терапии реакции переноса и чувства к другим участникам у «нарциссов» практически не формируются, не возникает перенос и к терапевту. Если же отношения и складываются, то весьма специфического когнитивного свойства — в виде интереса к интеллектуальной психотерапевтической игре. Другими словами, о реакции переноса «нарцисса» можно говорить только как о «когнитивном» переносе. В то же время у нарциссических личностей присутствуют Объекты (иногда, как в ситуации с Виктором, весьма специфические — преподаватели-психологи), на которых они смещают функцию критической оценки и фрустрации самих себя. Образы этих Объектов попадают в уже сформированные специфическими детско-родительскими отношениями ниши, т. е. подменяют первичные Я-Объекты, наклеиваются на них. При этом сама подмена носит условный характер, так как основная функция — агрессивное либо холодно-безучастное отношение к себе — сохраняется. Как и в случае взаимодействия с первичными Я-Объектами, в ситуации отношений с новыми Объектами нарциссическая личность недополучает позитивного отзеркаливания себя. Подобные образы Я-Объектов в психическом мире «нарциссов» можно назвать условно-негативными. Эти образы чрезмерно идеализированы, в них катектировано значительное количество либидо, что делает их ценными для «нарциссов». Степень этой ценности отвечает за дистанцию между когнитивным контуром ложного Я и эмоциональным ядром истинного Я. Во внутреннем мире «нарциссов» истинное Я никогда не может приблизиться к Эго-идеалам, что развивает чувство ничтожности. В то же время ложное Я может попадать на позиции образов Я-Объектов или Эго-Иде-

алов, когда отвечает своим представлениям об их ожиданиях. Именно этот процесс приводит нарциссическую личность к переживанию чувства грандиозности. Само ложное Я не удерживается на позициях Эго-идеалов долго. Последнее связано с тем, что чувство грандиозности раздувает ложное Я, отводя образы идеализированных Объектов все дальше от него. Для иллюстрации этого процесса можно воспользоваться аналогией с воздушным шариком. Если нанести на его поверхность две точки и начать надуть шар, то расстояние между ними будет увеличиваться. Описанная психическая динамика формирует у «нарцисса» разочарованность в себе и потерю веры в достижимость идеализированных Я-Объектов. Еще более травматично для нарциссических личностей переживание истинного Я. Они стремятся не соприкоснуться с этой частью Эго, стыдятся ее, прячут и всячески драпируют в том числе и чувством анестезирующей пустоты, но время от времени проваливаются в нее, заново переживая ничтожность.

У «нарциссов» могут быть Я-Объекты, отношения с которыми выстроены по принципу проективной идентификации. В отсутствие реального знания об Объекте, при нехватке непосредственных взаимоотношений, «нарцисс» проецирует свою любовь на Объект, а потом разрешает себе испытывать ее. Последняя, как правило, не может быть протестирована реальностью в силу самого отсутствия отношений. Образы Объектов, на которые спроецированы положительные чувства, можно называть условно-позитивными в психической реальности «нарциссов». К условно-позитивным образам катектировано значительное количество либидной энергии, что делает их субъективно недостижимыми для истинного Я. Нарциссические личности пытаются получить любовь условно-позитивных Объектов, развивая ложное Я. Последнее становится для «нарциссов» настолько привычным представлением о себе, что всю свою личность они идентифицируют исключительно с ним. Ложное Я переходит из искусственно созданной когнитивно-эмоциональной конструкции в ловушку и становится адаптирующим протезом для личности «нарцисса».

Уточним авторский взгляд на структуру личности, организованной по нарциссическому типу, с помощью понятия, которое ввел Д. Анзье [1]. По аналогии с кожей, как границей тела, Анзье определил метапсихологический концепт «Кожа Я» («Я-кожа») как психическую оболочку, контейнирующую структуры психики, все идентификации личности, весь личностный опыт, переживания и пр. Будучи экраном личности, кожа отражает воздействия внешнего мира, является продуктом процесса непрерывного взаимодействия мира и личности. Кожа — граница, барьер между личностью и средой. Мембраноподобная структура кожи позволяет взаимопроникать, влиять одной на другую. Как пишет Анзье: «Кожа есть барьер, который защищает и отгораживает от внешних объ-

ектов, их возможного вмешательства. Кожа есть поверхность, которая запечатлевает отношения с другими, она также средство эти самые отношения поддерживать» [1, с. 112]. В своей работе Анзье исследует два типа нарушений формирования кожи Я. С одной стороны, это образование «дыр» в ней, конституирование так называемой частичной/дырявой кожи. С другой стороны, нарушение первичной функции кожи может приводить к образованию «второй кожи», когда ребенок формирует адгезивную идентификацию, т. е. в своем внутреннем пространстве буквально слипается с образом значимого Объекта. Оба типа нарушений происходят вследствие дефицитарного контакта матери с ребенком, когда потребности последнего фрустрируются и не удовлетворяются.

Попробую теперь структурировать ранее сказанное в виде концептуальной модели. Кожа Я, по утверждению Анзье, телесна и контейнирует эмоции. Но что же тогда контейнирует когниции? Ответом на этом вопрос может стать введение нового понятия — Я-кожи второго порядка. Последняя образована интеллектуальными конструкциями, признанными обезболить эмоции за счет их рационализации и объяснения. Понятия Я-кожи и Я-кожи второго порядка позволяют глубже понять феномен нарциссической расщепленности Эго на истинное и ложное Я. Расщепленность состоит в отслоении Я-кожи второго порядка от Я-кожи. В своем психическом мире «нарцисс» сосредоточен в слое Я-кожи второго порядка, он нагружает энергией либидо собственные когнитивные конструкции. И если Я-кожа — это набор эмоциональных идентификаций, связанных, в том числе, с родительским отношением, то Я-кожа второго порядка — набор когнитивных представлений, сформированных на основе переработки первичного психотравмирующего опыта. Она похожа на рубцы, образовавшиеся после травмы, отслоившиеся от нее и в то же время сохранившие целостность собственного покрова. С одной стороны, рубцы обладают меньшей чувствительностью, с другой, они указывают на психическую локализацию травмы.

Образы Я-Объектов, представления о референтных Других находят у «нарцисса» в слое Я-кожи второго порядка. Это интеллектуальные конструкты, оперировать которыми для нарциссической личности безопасно и не представляет труда. «Рационализируя» Объекты, «нарцисс» добивается контроля над ними, чем уменьшает собственную тревогу в связи с чувствами относительно этих Объектов. С иными переживаниями нарциссический субъект соприкасается, когда испытывает реальные чувства, т. е. переходит на уровень Я-кожи. Кожа Я у него раздражена, воспалена, фрагментарна, дырява, что отталкивает нарциссического субъекта от контакта с ней, и он возвращается на уровень более целостной и эластичной Я-кожи второго порядка. Глянцевость и когнитивную респектабельность последней «нарцисс» демонстрирует с гордостью,

предъявляя ее не только другим, но и себе. Он занимается рефлексией ради самолюбования.

Более захватывающее открытие происходит тогда, когда мы заглядываем под саму Я-кожу. Под ней у «нарцисса» обнаруживаются не психические мышцы—плоть—органы—кости, не чувства—переживания—психотравмы—идентичности, а... пустота. «Нарцисс» вычерпывает либидо из «тела психики», перенаправляет его на Я-кожу второго порядка. Он формирует не только тело без органов, но и тело без самого тела. Нарциссическая личность представляет собой кожаный мешок, обернутый в ткань из ментальных схем Я-кожи второго порядка.

Сказанное позволяет глубже понять основные чувства нарциссической личности. Переживание ею грандиозности обусловлено фиксацией внимания на когнитивно сконструированной Я-коже второго порядка, включающей, среди прочего, Эго-Идеалы. Я-кожа второго порядка украшена ими, как ткань драгоценными камнями, что позволяет «нарциссу» чувствовать себя блистательным и выдающимся. Самоотвержение же связано у него с кожей Я. Будучи конституированной из эмоций, порожденных дефицитарными отношениями, сформированная скоплением негативных идентификаций и отвержений, она раздражена, аллергична и болезненна. Контакт с ней вызывает у нарциссического субъекта переживания беспомощности и отвращения. В то же время, еще более интересно исследовать стыд «нарцисса». Чувство стыда вызвано у него не только тем, что вместо себя он предъявляет ложное Я (*Self*), выдает себя за того, кем в действительности не является. Гораздо в большей степени его стыд объясняется переживанием отсутствия самого себя как такового. Нарциссический субъект воспринимает себя как человека-невидимку, обернутого в кожу-упаковку. Он разотождествлен с самим собой. Поворот внимания от самого себя, сосредоточенность только на когнитивной части своей личности влечет «нарцисса» к забыванию себя, своих эмоций, собственных желаний, а в последующем и развивает страх заглянуть внутрь, соприкоснуться с собой. Вследствие этого у нарциссического субъекта формируется психическое новообразование, в рамках которого он воспринимает себя как пустотного, полого. В своих собственных переживаниях он — пустота в костюме, истлевший прокаженный в атласной парче, где подлинное навсегда исчезло, утрачено. «Нарцисс» чувствует себя грандиозным обманщиком с самопереживанием, которое можно выразить словами: «Я чувствую, что внутри меня ничего нет!». Связано это переживание с особым рода направленностью либидо на отщепленное ложное Я (*Self*) в виде Я-кожи второго порядка.

Адаптировавшись когда-то ранее к обусловленной родительской любви путем отхода от себя реального, выстроив ложный проект своего Я, став нарциссическим расширением родителей, «нарцисс» оставляет

ненаполненным свое истинное Я, с которым теряет эмпатийную связь. Его реальное Я, в отсутствие опыта Я-переживаний, лишенное родительской любви и нарциссического либидо самого «нарцисса», свидетельствует о себе лишь нехваткой, пустотой, зиянием, провалом. Больше всего «нарцисс» боится, что с него сорвут Я-кожу второго порядка и под ней ничего не обнаружат, кроме обрывков истлевшей Я-кожи и скопленных болезненных чувств. Его основной страх — не столько боязнь исчезнуть, сколько опасения по поводу разоблачения в отсутствие себя. Я-кожа второго порядка для «нарцисса» — это своеобразная защитная упаковка, которая содержит его со всеми разрозненными психическими потрохами, внутренностями и костями, не скрепленными клеем либидо. Нарциссический субъект сам производит эту упаковку, занимаясь бесконечной рефлексией себя, своих отношений и собственной жизни. В определенном смысле личность «нарцисса» формируется как функция поверхности, как глянцевое отражение в зеркале Я-кожи второго порядка. Именно в это отражение «нарцисс» влюблен.

Остановлюсь теперь на особенностях терапевтической стратегии в работе с личностью, организованной по нарциссическому типу. Сформулированная терапевтическая конструкция позволяет сделать несколько выводов:

1. Нарциссические личности склонны устанавливать с терапевтом отношения особого рода, которые определяются мной как «когнитивный перенос». Это обусловлено двумя моментами. Во-первых, когнитивная составляющая имеет значительный удельный вес в структуре переживаний «нарциссов». Во-вторых, нарциссические личности избегают «реальных» чувств, предпочитают размышлять, нежели переживать их. Рационализация отношений влечет у нарциссического субъекта восприятие терапевтического взаимодействия как «интеллектуальной игры в бисер». В то же время эта «игра» может быть чрезвычайно эмоциональной для психотерапевта. «Нарцисс» исследует терапевта, провоцирует его, стремится изучить его личность, для того чтобы сделать его понятным и безопасным для себя. Он стремится интеллектуально присвоить психотерапевта. Если последний будет опираться на свои ощущения, то у него может возникнуть «ложное чувство» ситуации. Психотерапевт может начать воспринимать взаимодействие как эмоционально насыщенное, вовлекающее обоих. Для «нарцисса» это не так. Он вызывает чувства у терапевта нарочно, сам же испытывает при этом исключительно интеллектуальные переживания. Он «психически герметичен». В связи с этим для установления терапевтического альянса психотерапевту необходимо быть более, чем обычно, когнитивно ориентированным, интеллектуально уважаемым. С одной стороны, он вовлекает «нарцисса» в терапию, доставляет ему удовольствия особого интеллектуального

свойства. С другой стороны, он выстраивает границы взаимодействия. Все это имеет важность на начальном этапе терапии.

2. По мере развития отношений с нарциссическим субъектом они становятся все более и более «лично-небезопасными» для психотерапевта. Более того, отношения с «нарциссом» — это всегда нарциссическая травма для терапевта. Ее стремится нанести сам «нарцисс». Для него это безопасный способ сообщить своему психотерапевту, что он чувствует. Делает он это разными способами. Например, идеализирует терапевта в начале и резко обесценивает его на ключевых этапах взаимодействия, когда психотерапевт «эмоционально открыт». Либо он устанавливает контроль за сеттингом, следит за соблюдением правил, за временем, частотой встреч, качеством и своевременностью интерпретаций и пр. Или он пытается расщепить личность психотерапевта на условно-негативную и условно-позитивную части, предлагая каждой из них свой тип отношений. Таким образом, он устраивает своеобразные «эмоциональные качели», расшатывает призму самовосприятия терапевта, стремится к контролю и господству. Но еще большую сложность для психотерапевта представляет встреча с собственной нарциссической частью и связанной с ней «неидеальностью». Самим фактом своего присутствия «нарцисс» устраивает эту встречу и бросает вызов нарциссическому радикалу психотерапевта. Этой встречи невозможно избежать. Более того, во многом сама терапия с «нарциссом» совершается за счет встречи психотерапевта со своей нарциссической частью. «Идеальный» терапевт не в состоянии помочь нарциссическому субъекту. Он может задать новую ступень для идентификации, создать дополнительное напряжение, бросить вызов перфекционизму «нарцисса», попасть в «Я-Объекты», формирующие Эго новыми идеализированными стандартами, но он не может разрешить внутреннюю патологическую динамику нарциссической личности. Он «в состоянии напрячь, но не способен расслабить». Он усиливает чувство нарциссической грандиозности, чем подкрепляет второй полюс — чувство ничтожности. Наоборот, «уязвимый» терапевт — живой человек со своими слабостями и страданиями, который не боится герметичной, в латах и когнитивной броне личности «нарцисса» и способен в ее присутствии эмоционально обнажиться — именно такой терапевт создает предпосылку для самораскрытия клиента с нарциссическим типом личностной организации. Надо сказать, что эмоционально обнажаться перед «нарциссом» — непростое занятие. Нарциссический субъект настолько усиливает тонус нарциссической части терапевта, что она обретает новые силы и власть внутри его личности. Психотерапевт испытывает значительную эмоциональную нагрузку, работать с которой ему приходится не только в актуальной терапии, но и в пространстве супервизорских групп. Все это играет на руку «нар-

циссу», для которого «победить» психотерапевта не менее важно, чем ослабить собственные симптомы. Нарциссический субъект действует по принципу: «покажи мне свои уязвимые места и оставь за мной право не показывать тебе мои», т. е. разворачивает классическое распределение позиций в психотерапии. При этом «нарцисс» склонен совершать атаки, обесценивающие личность и работу терапевта.

В рамках второго этапа «нарцисс» встречается с неидеальностью, несовершенством психотерапевта, что формирует у первого чувство превосходства, но и обеспечивает ему пространство безопасности, создает поле, в котором он может расслабиться. Как на первом, так и на втором этапе психотерапии нарциссическая личность находится преимущественно в когнитивных переживаниях, которые относятся к Я-коже второго порядка. Для психотерапевта эти этапы являются наиболее сложными. Тем не менее, пройдя их, терапевт вступает в более привычное пространство взаимодействия с клиентом.

3. На третьем этапе у «нарцисса» начинается «челночное» контактирование с Я-кожей. Первоначально оно маркировано для него напряжением чувств собственной ничтожности и неидеальности. Нарциссический субъект начинает нуждаться в особой поддержке и эмоциональном принятии. Он становится уязвимым, открытым и восприимчивым. Зачастую этому предшествуют переживания внутренней пустоты и связанного с ней чувства стыда. «Нарцисс» сталкивается с субъективной невозможностью предъявить что-то еще, кроме своего отсутствия и переживает в связи с этим экзистенциальный ужас. Принятие этого состояния терапевтом имеет для нарциссического субъекта значение корригирующего эмоционального опыта (термин Ф. Александера) и постепенно приводит к обнаружению отверженных фрагментов самого себя. У «нарцисса» это связано с чрезвычайно болезненными переживаниями. Его буквально затапливают эмоции, которые, как ему кажется, он не в состоянии выдержать. «Нарцисс» находится именно в челночном движении, то прикасаясь к воспаленным, болезненным частям самого себя, то находя убежище в когнитивном слое Я-кожи второго порядка. Он движется от надежды к разочарованию в себе/терапии/терапевте, от Я-переживаний к чувству собственного ничтожества и обратно. Важной задачей для терапевта на этом этапе, помимо функции принятия, становится формирование у «нарцисса» особого рода любопытства к самому себе. Основой этого любопытства выступает развитая познавательная функция нарциссического субъекта. Терапевт же обеспечивает ее безопасное функционирование, своей заботой и поддержкой нейтрализуя ее критическую составляющую.

4. Следующий этап терапии нарциссической личности связан с постепенным перенаправлением либидо от идеализированных когнитив-

ных представлений о самом себе как идеальном «нечувствующем Я» к коже Я. Происходит это за счет отношений переноса с терапевтом, в рамках которых «нарцисс» сталкивается и принимает в опыте реального взаимодействия «достаточно хорошего» (а не идеального) психотерапевта. Этому способствует и постепенное эмоциональное принятие принципа реальности, который в качестве приоритета устанавливает истинное Я. Позитивную роль играют интеллектуальное удовлетворение от самообнаружения, поддержка психотерапевта, корригирующие эмоциональные переживания и др. Постепенно либидо склеивает фрагменты Я-кожи в более целостные самопредставления, которые со временем становятся Я-переживаниями. Позитивные отзеркаливания терапевтом придают дополнительную целостность нарциссическому Субъекту. С этого момента начинается развитие истинного Я как самоценной части себя. Оно привлекает все больше психического клея в виде либидо, создавая определенную устойчивость самовосприятия.

Вопрос, который остается открытым: «Возможно ли сформировать у нарциссической личности устойчивую функцию самоподдержки»? Мой опыт не позволяет ответить на него утвердительно. «Нарцисс» продолжает нуждаться в референтном, поддерживающем лице, которое возвращает чувство быть достаточно хорошим и принимает переживания ничтожества. В то же время таких состояний у нарциссической личности становится все меньше, а чувствительность к другим людям, эмпатия к их переживаниям возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анзье Д.* Я-кожа: пер. с фр. Ижевск: ERGO, 2011. 302 с.
2. *Балинт М.* Базисный дефект: терапевтические аспекты регрессии: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. 256 с.
3. *Винникотт Д.В.* Маленькие дети и их матери: пер. с англ. М.: Класс, 1998. 80 с.
4. *Дорожкин В.Р.* Эмоциональные дискурсы в психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 2. С. 157—171. doi:10.17759/spp.2015230210
5. *Кернберг О.Ф.* Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии: пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 464 с.
6. *Кляйн М., Айзекс С., Райверс Дж., Хайманн П.* Развитие в психоанализе: пер. с англ. М.: Академический проект, 2001. 512 с.
7. *Кохут Х.* Восстановление самости: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
8. *Кохут Х.* Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003. 368 с.
9. *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда: пер. с фр. М.: Логос, 1997. 184 с.

10. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт имени В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.
11. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Киев: Здоровье, 1990. 144 с.

THE GLOSSY FACE OF NARCISSISM: ANALYTICAL APPROACH

V.R. DOROZHKIN*,

Institute of Personnel Training of State Employment Service of Ukraine,
Kiev, Ukraine, valedor2007@gmail.com

This paper studies the structural organization of the personality of a narcissistic subject. Disposition of the main elements of the narcissistic Ego is defined, the strata of narcissistic personality are revealed, systemic causes of the dualistic emotions like “grandiosity, nullity” are studied. Special attention is paid to refinement of the concept of “I-skin” of narcissistic personality and justification of introduction of a new term “I-skin of second order”, what enabled author to understand and characterize psychological dynamics of narcissistic personality comprehensively. Correlation between true and false aspects of Self in the structure of the personality is pointed out, constitutive elements of these two parts of the Ego are identified, stages of work with a narcissistic personality are considered. The article is supplemented with a case of group therapeutic work.

Keywords: narcissism, structure of narcissism, narcissistic type of the personality, work with narcissism in psychotherapy.

REFERENCES

1. Anzieu D. Ja-kozha [The Skin-Ego]. Izhevsk: ERGO, 2011. 302 p. (In Russ.)
2. Balint M. Bazisnyj defekt: terapevicheskie aspekty regressii [The basic fault: therapeutic aspects of regression]. Moscow: Kogito-Centr, 2002. 256 p. (In Russ.)
3. Winnicott D.W. Malen'kie deti i ih materi [Babies and their mothers]. Moscow: Klass, 1998. 80 p. (In Russ.)

For citation:

Dorozhkin V.R. The Glossy Face Of Narcissism: Analytical Approach. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017. Vol. 25, no. 1, pp. 72–91. doi: 10.17759/cpp.2017250106. (In Russ., abstr. in Engl.)

* *Dorozhkin Valery Romanovich*, PhD (Psychology), Associate Professor of Psychology and Psychotherapy, Professor of Psychology and Social Work in Institute of Training of public employment service in Ukraine (Kiev, Ukraine), non-medical psychotherapist, valedor2007@gmail.com

4. Dorozhkin V.R. Jemocional'nye diskursy v psihoterapii [Emotional discourses in psychotherapy]. Konsul'tativnaia psikhologiiia i psikhoterapiia [*Counseling Psychology and Psychotherapy*], 2015, no. 2, pp. 181—195. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Kernberg O.F. Tjazhelye lichnostnye rasstrojstva. Strategii psihoterapii [Severe personality disorders: psychotherapeutic strategies]. Moscow: Nezavisimaja firma «Klass», 2000. 464 p. (In Russ.)
6. Klein M., Isaacs S., Heimann P., Riviere J. Razvitie v psihoanalize [Developments in psychoanalysis]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2001. 512 p. (In Russ.)
7. Kohut H. Vosstanovlenie samosti [Restoration of the Self]. Moscow: Kogito-Centr, 2002. 316 p. (In Russ.)
8. Kohut H. Analiz samosti: Sistematičeskij podhod k lečeniju narcissičeskich narushenij lichnosti [Analysis of the Self: Systematic Approach to Treatment of Narcissistic Personality Disorders]. Moscow: Kogito-Centr, 2003. 368 p. (In Russ.)
9. Lacan J. Instancija bukvy v bessoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Frejda [The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud]. Moscow: «Logos», 1997. 184 p. (In Russ.)
10. Očerki dinamičeskoj psihiatrii. Transkul'tural'noe issledovanie [Essays of dynamic psychiatry. Transcultural research]. In Kabanova M.M., Neznanova N.G. (ed.) Saint Petersburg: Institut im. V.M. Behtereva, 2003. 438 p.
11. Freud S. Očerki po psikhologii seksual'nosti [*Essays on the Theory of Sexuality*]. Kiev: Zdorov'e, 1990. 144 p. (In Russ.)